

Г. М. ТУЖАРОВ (Йошкар-Ола)

ПРАВОМЕРНО ЛИ ПРИЗНАНИЕ СТАТУСА АБСОЛЮТНОЙ ФОРМЫ ИМЕНИ В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В настоящее время некоторые исследователи в марийском языке признают статус абсолютной формы существительных. Например, поясняющий и определяющий компонент субстантивных словосочетаний Ю. В. Андуганов квалифицирует как абсолютную форму, поскольку она якобы «не имеет категории падежа и числа» (1983 : 97). Статус абсолютной формы признают и другие исследователи марийского языка. Необходимо отметить, что вывод о существовании этой формы в современном марийском языке сформулирован в соответствии с известным теоретическим положением об абсолютной (внепадежной) форме в отдельных финно-угорских и других языках. В финно-угроведении данный термин предложил Д. В. Бубрих (1947 : 9). Принимая во внимание, что зависимый компонент субстантивного словосочетания может примыкать к главному без какого-либо морфологического оформления, он квалифицировал этот поясняющий и зависимый компонент как абсолютную форму (1947 : 9). Это относилось к мордовским языкам, статус данной формы в которых признают многие (Цыганов 1964 : 179—191; Тюркина 1972 : 144—205), он узаконен в мордовской научной грамматике (Грамматика мордовских языков 1980 : 178—181). В грамматике удмуртского языка абсолютная форма названа основной (начальной) формой существительных. Авторы считают, что «основная форма внешне не выражена никаким суффиксом, ни падежным, ни притяжательным, ни суффиксом множественного числа» (Грамматика современного удмуртского языка 1962 : 90). Подобные формы в венгерском языке К. Е. Майтинская называет исходными или абсолютными, отмечая, что в отличие от именительного падежа они не могут изменяться ни по числам, ни по притяжательному склонению, и таким образом совпадают с именительным лишь в единственном числе основного склонения (Майтинская 1948 : 72; 1955 : 127). Абсолютная форма признается и в других финно-угорских языках. Важно отметить, что отсутствие морфологических показателей числа, притяжательности и падежа считается главным условием ее признания.

Анализ языковых фактов современного марийского языка показывает, что выводы исследователей об абсолютной форме в других финно-угорских языках не могут быть автоматически перенесены в грамматику современного марийского языка. Грамматическая природа, морфологические особенности и синтаксические функции рассматриваемых форм в марийском языке имеют отличительные особенности. Функционирование их подчиняется и закономерностям, которых нет в других финно-угорских языках.

Ю. В. Андуганов, утверждая, что рассматриваемые словоформы не имеют категории числа, приводит словосочетания, в которых первый компонент может иметь главным образом лишь абсолютную форму единственного числа: *кече волгыдо* 'свет солнца', *мланде пуш* 'запах земли', *шун коршо́к* 'глиняный горшок' и т. д. (1983 : 95—106). Поэтому вывод его об отсутствии форм числа у зависимых компонентов в субстантивных словосочетаниях не убедителен, он не имеет характера общей закономерности; анализ языка художественной литературы показывает, что поясняющий компонент в анализируемых словосочетаниях регулярно выступает с показателями множественности *-влак*, *-шамыч*, *-мыт*, *-ла*. Примеры: *Саман поян-влак кидыште улмо годым революций пашам моло семын ышташ ок лий* (Игнатъев 106) 'Когда власть в руках богатых, дело революции по-иному нельзя осуществлять'; *Эрнест корно мучко пашазе-влак илыш нерген кутыра* (Ломберский 1959 : 81) 'Эрнест всю дорогу говорит о жизни рабочих'; *Нёлталте патыр-влак радам* (Гадиятов 87) 'Поднялись ряды богатырей'; *Шинчеда, мый даже колхозник-шамыч съездыш коштынам* (Лекайн 1980 : 29) 'Знаете, я даже ездил на съезд колхозников'; *Ме Ульяновыт портыш чылан пурена* (Майн 1981 : 11) 'Мы все заходим в дом Ульяновых'; *Пушенгыла кокла гыч иктаж вич имнешке төрген кудал лекте* (Васин 68) 'Меж деревьев галопом выехало примерно пять всадников'.

В субстантивных словосочетаниях марийского языка первым компонентом может быть послеложная конструкция, в которой существительное нередко оформлено показателем множественности, например: *Временный правительество вӓреш рабочий, хресань, салтаквлӓ гӓйц Совет-влӓм ышташ* (Патраш 90) 'Вместо Временного правительства создать Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов'.

В позиции зависимого компонента словосочетания употребляются и другие части речи, например, субстантивированные прилагательные, причастия и т. д. При необходимости они оформляются показателями множественности: *Нимо чактаралын ыш сене виян-влак тӱшкам* (Майн 1981 : 112) 'Ничто не вынудило отступить группу мужественных'; ... *во-зен шогышо-влак тукум гыч мый тыште эн шонго улам* (Майн 1984 : 48) '... из поколения писателей (точнее: пишущих) я здесь самый старший'. Первый компонент субстантивных словосочетаний регулярно выступает с показателями множественности не только в лугово-восточной и горномарийской литературных нормах, но и во всех наречиях и говорах марийского языка, например: марЛ *Йоча-шамыч вуй ӱмбач самолет чожештен эртыш* 'Над детьми (букв. над головами детей) пролетел самолет'; *Йыванмыт портышӱ мурат, куштат* 'В доме Ивана (букв. Ивана и тех, кто с ним) поют, пляшут'. Примеры показывают, что вывод об отсутствии категории числа у зависимого компонента субстантивного словосочетания не состоятелен.

Как уже отмечено, важным условием существования абсолютной формы является отсутствие у определяющего компонента субстантивного словосочетания такого «грамматического качества», как категория притяжательности. Д. В. Бубрих, исследуя мордовские языки, пришел к выводу, что абсолютной форме чужды моменты указательности и притяжательности (1947 : 9). Қ. Е. Майтинская считает, что абсолютная форма в венгерском языке не изменяется по притяжательному склонению (1955 : 127). Однако в литературных нормах марийского языка, во всех наречиях и диалектах определяющий компонент субстантивного словосочетания может оформляться лично-притяжательными суффиксами в лицах и числах, например: *А сурт оза, шерге унаж мурым колышт, пырля муралта* (Якимов 1976 : 71) 'А хозяин дома, слушая песню дорогого гостя, и сам вместе поет'; *Йолташем портышӱ*

воктен яра эртен ом кае (Марий 166) 'Мимо дома милой я просто так не прохожу'; *Нуно лўшкат, куанымышт дене шорташ тўчат, чылан ачашт шўйышкў кержалтыч* (Лекайн 1963 : 156) 'Они шумят, от радости плачут, все повисли на шею отца'; *Лач тудым мый сўанна кечын чиенам ыле* (Марий коммуна, 27 марта 1985 г.) 'Как раз ее (рубашку) я надел было в день нашей свадьбы'.

Один и тот же зависимый компонент субстантивного словосочетания нередко оформляется и показателем множественности, и лично-притяжательным суффиксом: ... *мыланемат йолташем-влак койышым колаш гына кодо* (Юзыкайн 1979 : 39) '... и мне пришлось поступить так же, как поступили мои друзья'.

Необходимо отметить, что зависимый и поясняющий компонент субстантивного словосочетания в марийском языке может иметь определенное, выраженное существительным, прилагательным, причастием, числительным, местоимением. Определение бывает как одиночным, так и распространенным: *Олалаште Пашазе депутат-влак Совет ышталтын* (Чавайн III 397) 'В городах созданы Советы рабочих депутатов'; *Шулдыран шўжар-влак ешым йўратен да кугешнен ончем* (Осипов 18) 'С любовью и гордостью наблюдаю семью крылатых сестер'; *Тўжемле рве-зўдыр семыште колам мый тыйын йўкымат* (Большаков 52) 'В песне тысяч юношей и девушек я слышу и твой голос'; *Мотор шурно шочалеш мемнан колхоз пасушто* (Олык 30) 'Будет хороший урожай на нашем колхозном поле'; *Тау лижы Ленин тўнглам ирык корныш лыкмыжлан, трийыш халык тетявлўлан соты корным пачмыжлан* (Булат 20) 'Спасибо товарищу Ленину за то, что он предоставил нам свободу, открыл светлый путь детям трудового народа'.

Весьма важно также, что определяющий и зависимый компонент субстантивного словосочетания в лугово-восточной и горномарийской литературных нормах может указывать на конкретный и определенный предмет или конкретное лицо: *Павыл кугыза сурт воктечак почелачочела имнешке, йолешке-влак кутырен-кутырен каеныт* (Орай 1973 : 31) 'Мимо дома деда Павла друг за другом проезжали всадники, беседа, шли пешие'; *Совет власть ийлаште тышке каналым ышташ палемденыт* (Майн 1984 : 116) 'В годы Советской власти решили сюда провести канал'; *Но изай-влакын мландышке ыш його вўрышт арам: ... эл знамя чевергыш тунам* (Якимов 1976 : 105) 'Но братья не зря пролили кровь: ... знамя Родины тогда приняло красный цвет'.

Итак, трудно согласиться с признанием статуса абсолютной формы в марийском языке. Приведенные примеры показывают, что зависимый и определяющий компонент субстантивных словосочетаний имеет целую систему внутрисловных формальных показателей категориального значения, в первую очередь собственно морфологические показатели — форманты с грамматическими значениями числа и притяжательности. Не приемлемо и утверждение Ю. В. Андуганова, что т. н. абсолютная форма не имеет категории падежа в таких субстантивных словосочетаниях, как *кече волгыдо* 'свет солнца' и т. д. (1983 : 95—106). Анализируемые Ю. В. Андугановым словоформы обладают и грамматической категорией падежа. Зависимый компонент *кече* 'солнце' в сочетании *кече волгыдо* 'свет солнца' выступает в форме номинатива, а в сочетании *кечын волгыдо, кечын волгыдыжо* 'свет солнца', *кечын волгыдыжлан* 'свету солнца' — в форме генитива. Впрочем, сторонники признания абсолютной формы считают, что определяющий компонент субстантивных словосочетаний может функционировать в падежной форме: словосочетание, выражающее посессивные отношения, заменимо притяжательной конструкцией, т. е. словосочетанием, построенным по модели род. п. + им. п. (*же*), где *-же*, — притяжательный суффикс

3 л. ед. ч. (Андуганов 1983 : 98). Следовательно, поясняющая словоформа *кечын* в *кечын волгыдыжо* 'свет солнца' употреблена в форме генитива, что признается всеми исследователями. Почему в таком случае словоформа *кече* в *кече волгыдо* 'свет солнца' некоторыми из них квалифицируется как внепадежная, абсолютная форма? Ю. В. Андуганов на этот вопрос отвечает: «Если поясняющий компонент *кид* 'рука' субстантивного словосочетания *кид шагат* 'наручные часы' является определением (в форме именительного падежа — *Г. Т.*), то он должен быть отдельным членом предложения. Здесь возникает вопрос: абсолютная форма всегда ли является членом предложения? Очевидно, нет» (1983 : 104—105). На наш взгляд, с данным выводом нельзя согласиться. Поясняющий компонент субстантивного словосочетания, если он не входит во фразеологические обороты, будучи членом предложения, выполняет синтаксическую функцию определения, выраженного существительным в именительном падеже. Таким образом, зависимый и поясняющий компонент субстантивного словосочетания в марийском языке следует считать не абсолютной формой, а формой именительного падежа. Небезынтересно, что и Д. В. Бубрих в «Исторической грамматике эрзянского языка» абсолютную форму переименовал во внепадежную (1953 : 40), а в грамматике литературного коми языка назвал ее основной формой (1949 : 37 и др.). Другие исследователи, признавая статус абсолютной формы в отдельных финно-угорских языках, считают ее формой именительного падежа. Например, с точки зрения А. П. Феоктистова, абсолютная форма — это не что иное как определительная функция номинатива существительного основного склонения в отличие от другой — назывной — функции этой же падежной формы (1963 : 48).

В марийском языке зависимый определяющий компонент субстантивного словосочетания следует считать формой именительного падежа и по следующей причине. В языке художественной литературы в многокомпонентных притяжательных конструкциях при выражении последовательной принадлежности зависимый поясняющий компонент регулярно выполняет функцию обладаемого в форме именительного падежа. Но это обладаемое в номинативе одновременно может быть обладателем для следующего обладаемого и т. д.: *Нунын кокла гыч позт Йыван Кырлян почеламутшо-влак негызеш С. Маковын возымо... ораторийжым ончыктыман* (Марий коммуна, 20 декабря 1984 г.) 'Среди них нужно отметить ораторию С. Макова, написанную на стихотворение... Йывана Кырли'. В данном предложении обладателю *Йыван Кырлян* (ген.) принадлежит обладаемое *почеламутшо-влак* 'его стихотворения' (ном.). Было бы нелогично утверждать, что это обладаемое употреблено во внепадежной, абсолютной форме, тем более что оно оформлено показателем множественности и лично-притяжательным суффиксом. В других многокомпонентных притяжательных конструкциях первый обладатель, выполняя функцию определяющего компонента субстантивного словосочетания, имеет форму номинатива, второй, являясь одновременно обладаемым для первого обладателя, — форму генитива (возможны и другие модели): *Мутым Упö оласе большевик-влак комитетын делегатше Йүкечев йолташлан пуэна!* (Юзыкайн 1967 : 387) 'Слово предоставляется делегату комитета большевиков города Уфы тов. Юкечеву!' Словоформу *большевик-влак* 'большевиков' здесь никак нельзя квалифицировать как абсолютную (внепадежную) форму. Это именительный падеж. В учебных пособиях для школ и вузов, по нашему мнению, вопрос получает научное решение. Например, Н. Т. Пенгитов прав в том, что поясняющее определение в субстантивном словосочетании выражается существительным в именитель-

ном падеже (1961 : 62; 1977 : 30). Форма именительного падежа в роли определения регулярно выступает не только в финно-угорских языках. Среди свободных синтаксических форм существительного, активизировавшихся в современном русском языке, особое внимание привлекает форма именительного падежа, заметно расширяющая свое употребление в роли несогласованного определения (Янко-Триницкая 1968 : 254—266).

Известно, что в марийском языке зависимый, определяющий компонент субстантивного словосочетания может употребляться не только в номинативе, но и в генитиве. Ю. В. Андуганов считает, что *н*-овый показатель «слишком конкретизирует определяемое» и употребляется, когда говорящему нужно выделить из множества однородных лиц или предметов определенное лицо или предмет (1976 : 16—32). Однако этот вывод относится далеко не ко всем случаям употребления генитивных определяющих компонентов субстантивных словосочетаний. В марийском языке и номинативная форма регулярно может указывать на конкретный предмет или определенное лицо: *Корным Ленин знамя волгалта* (Якимов 1976 : 84) 'Путь освещает знамя Ленина'; *Нал Африка калыкым таче* (там же, 118) 'Посмотри на сегодняшний народ Африки'. Поэтому для выражения одинаково конкретных понятий номинативная и генитивная формы могут употребляться как синонимические: *Нине штурман, капитан-влак, боцман, шкипер да матрос — Юл оза-влак, Юлын тап-влак, патыр калык — теңыз тос* (Матюковский 55) 'Эти штурманы, капитаны, боцманы, шкиперы и матросы — хозяева Волги, приятели Волги, храбрый народ — друзья моря'. Номинативное определение субстантивного словосочетания, оформленное лично-притяжательным суффиксом, по своей внутренней природе должно указывать на конкретный предмет или определенное лицо: *Ош чывын игыже лийыне ыле гын, авана помышеш шылын кодына ыле* (Чавайн II 111) 'Если бы мы были цыплятами белой наседки, то спрятались бы под ее крыльями (букв. под пазухой нашей матери)'; *Кочана-кугезына веранам йоршеш ынде пытарынешт* (Шкетан 173) 'Веру наших предков совсем хотят искоренить'.

Исследователи отмечают, что абсолютная форма в некоторых финно-угорских языках выступает лишь в субстантивных (определятельных) словосочетаниях, хотя она и весьма употребительна (Тюркина 1972 : 144—205; Грамматика современного удмуртского языка 1962 : 90). В марийском языке форма номинатива выступает в сочетании с существительным, в том числе отглагольным, инфинитивом, причастием, деепричастием, спрягаемыми формами глагола всех наклонений в определенных грамматических условиях и т. д. (Тужаров 1984 : 282—289), и может выполнять различные синтаксические функции: 1) атрибутивные: *Совет эл шочо* (Колумб 1984 : 6) 'Родилась советская страна'; *Бетоным кө пышта, орбитыш кө кўза гын, йоршо лийже коммунизм ийлан!* (Якимов 1976 : 84) 'Кто укладывает бетон, кто поднимается на орбиту, пусть все это пригодится для коммунизма (букв. для года коммунизма)'; 2) в посессивных конструкциях указывает на притяжательные отношения: *Мый улам Йыван эрге* (Якимов 1980 : 41) 'Я — сын Ивана'; 3) объектные: *О, мыняр гана логалын аралаш шўмбел мландет!* (Марий коммуна, 4 декабря 1984 г.) 'О, сколько раз тебе приходилось защищать родную землю!'; *Шемын-шемын коймашкыже лудына палашет пурышна. Тўшкан-тўшкан коймашкыже йолташна палашет пурышна* (Олык 137) 'В черное, густо-черное мы зашли узнать нашу утку. В толпу, густую толпу мы зашли узнать нашего друга'; *Вāтем, тетяэм пиш когон ужмы шоэш* (Патраш 61) 'Очень сильно хочется увидеть жену, ребенка'; 4) субъектные: *Эчанмыт шинчымашке*

Лищук толын возо (Лекайн 1971 : 45) 'Придя, Лищук лёг там, где сидели Эчан и его товарищи'; *Терейже толмылан куанен* (Лекайн 1963 : 159) 'Она обрадовалась приезду Терей'; *Аптрий кутыраш тўғалме годым чыланат шып лийыт* (Юзыкайн 1967 : 91) 'Когда начинает говорить Аптрий, все успокаиваются'; *Иляэм пёртыл толмешке илен шуэи, шонышым* (Лекайн 1980 : 61) 'Я думала, что он доживет до возвращения моего Ильи'. Как видно, и при выражении субъектных отношений форма именительного падежа регулярно оформляется показателями множественности и лично-притяжательными суффиксами, функционирует с одиночными и распространенными определениями; 5) темпоральные: *У ий кече меражым... сакен толаш мыламат онайын чучо* (Мичурин-Азмекей 100) 'Мне тоже показалось интересным в Новый год принести зайца'; *Шуку ивлә ти пәшам ёштенат, имнивләжы докы утлаок когон привикнен шон* (Ильяков 1959 : 47) 'Он много лет работал конюхом, поэтому слишком сильно привык к своим лошадям'; 6) локальные: *Шукертсек йўр лийын огыл. Садлан Элнет кўрык вольмаште корно... мотор лийын* (Чавайн I 174) 'Давно не было дождя. Поэтому дорога при спуске с горы Элнет была хорошая'; 7) количественные: *Лишыл кўртнё корно станцийыш шўдё коло менге йолын каяш кўлеш* (Ломберский 15) 'До ближайшей железнодорожной станции сто двадцать километров надо пешком идти'; 8) образ и способ действия: *Корем пундаште, ял мучаште, корно кўшыл могыр пакчалаште, шўвыр-тўмыр шогымыла шўишык шўшка* (Орай 97) 'На дне оврага, в конце деревни, на огородах выше от дороги соловьи поют, словно играют на волынке (букв. на волынке и на барабане)'; *Ик ганат ныл шинча вавлияш ок лий* (Чавайн II 274) 'Ни разу не удается встретиться с глазу на глаз'; *Куба, шовет эрыкан эл-влак ратыште ваче ден ваче. Шўм ден шўм* (Колумб 1972 : 31) 'Куба, стоишь ты в ряду свободных государств плечо к плечу. Сердце к сердцу'; 9) в горномарийской литературной норме номинатив может выражать сравнительные отношения: *Тилошты кавшавичышты ровотайымыштым ужым. Мўкивләок шалгат* (Патраш 144) 'В эти дни я видел, как они работают на огороде. Стараются, как пчелы'. Однако следует заметить, что к номинативной форме в данной функции, как правило, присоединяется усилительная частица *-ок*; 10) в лугово-восточной литературной норме номинатив спорадически указывает на транслативные отношения: *Эх, ик йўдышым кок йўд ышташет* (Ломберский 1959 : 59) 'Эх, ночь-то удлинить бы еще на столько же (букв. одну ночь превратить бы в две ночи)'; 11) форма именительного падежа регулярно выступает в сочетании с послелогоми, причем в необходимых случаях к ней могут присоединяться показатели множественности и лично-притяжательные суффиксы: *Сергей кочажмыт деч тўшка дене пырляк лектеш* (Орай 1973 : 92) 'Сергей из дома деда выходит вместе с группой соседей'; *Ачашт деч изинек кодышо-влакым онченам...* (там же 181) 'Я воспитала их, оставшихся маленькими от отца'; *Ола-влак ўмбаке ок нёлт тулан ломыж...* (Гадиатов 44) 'На города не поднимается огненная зола'. Хотя следует отметить, что некоторые авторы учебных пособий для школ необоснованно выделяли внепадежные формы в послеложных конструкциях (Григорьев 1953 : 48; 1959 : 31; Апатеев 1955 : 34).

Х. Рятсеп, на наш взгляд, прав, утверждая, что номинатив — это прежде всего падеж субъекта, объекта и определения (Rätsep 1977 : 33). К. Е. Майтинская отмечает, что номинатив был и является падежом подлежащего, именного сказуемого и прямого дополнения (1974 : 237). Б. Коллиндер (Collinder 1960 : 239), Д. Фокош-Фукс (Fokos 1963 : 3—49), Б. Викман (Wickman 1955 : 1—154), П. Хайду (Hajdú 1966 : 65), А. Алхониemi (Alhoniemi 1970 : 1—136) и другие признают,

что номинатив в финно-угорских языках может употребляться и для выражения объекта. О. П. Суник, отрицая неоформленный винительный падеж, справедливо считает, что противопоставление родительный неоформленный — родительный оформленный, как и винительный, дательный и т. п. неоформленные — винительный, дательный и т. п. оформленные, — явная натяжка, смешение падежных форм с членами предложения. Все немаркированные имена он вполне объективно квалифицирует как формы именительного падежа в роли косвенных падежей (Суник 1982 : 152).

Итак, в марийском языке нет логико-грамматических оснований говорить о статусе абсолютной формы и немаркированного аккузатива. Анализируемые словоформы — формы именительного падежа. Номинатив в марийском языке является многофункциональным падежом.

Сокращения

Большаков — М. Большаков, Уремыште шошо, Йошкар-Ола 1978; **Булат** — Ш. Булат, Яратем, Йошкар-Ола 1957; **Васин** — К. Васин, Ушнымаш, Йошкар-Ола 1984; **Гадиатов** — Г. Гадиатов, Оңгыран оргамак, Йошкар-Ола 1975; **Игнатьев** — Н. Игнатьев, Савик, Йошкар-Ола 1979; **Ильяков** — Н. Ильяков, Пăдымемвлă, Йошкар-Ола 1959; **Колумб** — В. Колумб, Порылык, Йошкар-Ола 1972; Толза муро памашем воктек, Йошкар-Ола 1984; **Лекайн** — Н. Лекайн, Мондалтдыме ўмыр, Йошкар-Ола 1963; Кўртнѳ вий, Йошкар-Ола 1971; Шѳртнѳ падыраш, Йошкар-Ола 1980; **Ломберский** — И. Ломберский, Миллион-влак, Йошкар-Ола 1959; **Майн** — М. Майн, Волгыдо урем, Йошкар-Ола 1981; Тулан кўкшака, Йошкар-Ола 1984; **Марий** — Марий калык муро, Ленинград—Москва 1951; **Матюковский** — Г. Матюковский, Матрос нерген поэма. — Ончыко, 1983, № 2, Йошкар-Ола; **Мичурин-Азмекей** — А. Мичурин-Азмекей, Пўртўс муро. Ойлымаш-влак, Йошкар-Ола 1981; **Олык** — Олык марий муро, Йошкар-Ола 1955; **Орай** — Д. Орай, Чолга шўдыр, Йошкар-Ола 1973; **Осипов** — В. Осипов, Кумыл шонанпыл, Йошкар-Ола 1982; **Патраш** — В. Патраш, Садшы пеледеш, Йошкар-Ола 1963; **Чавайн** — С. Чавайн, Возымыжо кум том дене лукталтеш I—III, Йошкар-Ола 1980—1981; **Шкетан** — М. Шкетан, Роман, пьеса, ойлымаш, очерк да статья-влак. Ныл том дене печатлалтыт. II, IV, Йошкар-Ола 1962; М. Шкетанын публицистикыже, Йошкар-Ола 1966; **Юзыкайн** — А. Юзыкайн, Кугызан вуй, Йошкар-Ола 1967; Тулото, Йошкар-Ола 1978; Эльян, Йошкар-Ола 1979; **Якимов** — М. Якимов, Шыже шонанпыл, Йошкар-Ола 1976; Элем пелен, Йошкар-Ола 1980.

ЛИТЕРАТУРА

- Андуганов Ю. В. 1976, Композиты в памятниках марийской письменности. — FU 2, 16—32.
 — 1983, Ик тўшка шомак ушем нерген. — Марий филологий, Йошкар-Ола, 95—106.
- Апатеев А. И. 1955, Мары йылмы грамматика, I часть. Фонетика дон морфологий. Семилетний дă средний школышты 5 дон 6 классвлан учебник, Козьмодемьянск.
- Бубрих Д. В. 1947, Эрзя-мордовская грамматика. Минимум, Саранск.
 — 1949, Грамматика литературного коми языка, Ленинград.
 — 1953, Историческая грамматика эрзянского языка, Саранск.
- Грамматика мордовских языков. Фонетика, графика, орфография, морфология, Саранск 1980.
- Грамматика современного удмуртского языка, Ижевск 1962.
- Григорьев Я. Г. 1953, Марий йылме грамматика. Икымше ужаш. Фонетика ден морфологий. 5—6 класслан, Йошкар-Ола.
- Майтинская К. Е. 1948, Неопределенный падеж и абсолютная форма в венгерском языке. — Ученые записки Военного института иностранных языков, № 6, Москва, 72.
 — 1955, Венгерский язык, ч. I. Введение, фонетика, морфология, Москва.
 — 1974, Сравнительная морфология финно-угорских языков. — Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков, Москва, 214—381.

- Пенгитов Н. Т. 1961, Имя существительное. — Современный марийский язык. Морфология, Йошкар-Ола, 29—72.
- 1977, Марий йылме, 7—8 класслан учебник, Йошкар-Ола.
- Суник О. П. 1982, Существительное в тунгусо-маньчжурских языках, Ленинград.
- Тужаров Г. М. 1984, Проблема немаркированного имени в марийском языке. — СФУ XX, 282—289.
- Тюркина В. М. 1972, Субстантивные словосочетания с зависимым существительным в мордовских языках. — Вопросы мордовского языкознания, Саранск (ТМордНИИ 42), 144—205.
- Феокистов А. П. 1963, Категория притяжательности в мордовских языках. Саранск.
- Цыганов Н. Ф. 1964, Абсолютная (внепадежная) форма. — Ученые записки Мордовского государственного университета, Саранск, 179—191.
- Янко-Триницкая Н. А. 1968, Развитие синтаксических форм слова. — Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка, Москва, 254—266.
- Alhoniemi, A. 1970, Über die Form des zu Verbalnomina tretenden Objekts im Tscheremissischen. — FUF XXXVIII, 1—136.
- Collinder, B. 1960, Comparative Grammar of the Uralic Languages, Stockholm.
- Fokos, D. 1963, A jelöletlenség mint az urál-altaji nyelvek egyik jellemző szintaktikai sajátossága. — NyK LXV, 3—49.
- Hajdú, P. 1966, Bevezetés az uráli nyelvtudományba (A magyar nyelv finnugor alapjai), Budapest.
- Rätsep, H. 1977, Eesti keele ajalooline morfoloogia, Tartu.
- Wickman, B. 1955, The Form of the Object in the Uralic Languages, Uppsala.

G. M. TUZAROV (Joškar-Ola)

CAN THE STATUS OF THE ABSOLUTE FORM OF THE SUBSTANTIVE BE JUSTIFIED IN THE MARI LANGUAGE?

Some linguists refer to the determining component by substantive word-combinations and some other word-forms as the absolute form of the substantive. The author of the article denies the existence of the absolute form of the substantive because the determining component of substantive word-combinations and other word-forms can be used with the indicators of plurality and possessivity. It is suggested that the absolute forms are the forms of the nominative case.